

Алексей Богомолов, Роман Светлов

Диалог «Филеб» в контексте платоновской апофатки:
историко-философский анализ*

ALEXEI BOGOMOLOV, ROMAN SVETLOV

PLATO'S *PHILEBUS* IN THE CONTEXT OF PLATONIC APOPHATICISM:
A HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

АБСТРАКТ. A reconstruction of Plato's apophaticism is contingent upon the answer to the question of the interrelation between interpretations of apophatic themes provided in various dialogues. In the dialogue *Philebus*, apophasis is presented in a number of different aspects. One of the key concepts is the 'indefinite' (*apeiron*), which bears semantic connotations with Plato's concept of nothing, as presented in the *Sophist*. The sources of Plato's treatment of the indefinite are the interpretations of Anaximander, Anaximenes, Philolaus and, as demonstrated for the first time, the doctrine of two types of void in the philosophy of atomists. Another aspect of the reception of the ideas of pre-Socratics in the dialogue is the influence of the philosophy of Parmenides. The emphasis on the apophatic in his *Poem* is obvious, as it both implicitly and explicitly encompasses the dialectics of being and non-being, which, in turn, serves as a prerequisite to both understanding nothing as presented in the *Sophist* and reasoning about the good and pleasure in the *Philebus*. The issue of the 'third way' in Parmenides' text is also significant. In the *Philebus*, the same methodological tools are employed as in the *Sophist*: understanding and the good require something else for their existence. Consequently, the indefinite in the *Philebus* has as its presupposition, among other things, the pre-Socratic apophaticism.

KEYWORDS: apophaticism, Plato, non-being, the *Philebus*, the *Sophist*.

© А.В. Богомолов (Нижний Новгород). ensestens@mail.ru. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.

© Р.В. Светлов (Санкт-Петербург). spatha@mail.ru. Санкт-Петербургский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 21.2 (2024)

DOI: 10.25985/PI.21.2.02

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980 в БФУ имени И. Канта, <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>.

Зарождение апофазиса, как специфического типа дискурса, играющего в разных системах мысли различные роли, вне всяких сомнений происходит еще в античности. Среди наиболее значимых учений, в которых содержатся апофатические интенции, конечно, следует особо выделить философию Платона. Отметим, что апофатика имеет две выраженные «проекции»: это философская апофатика и апофатическая или «негативная» теология. В учении основателя Академии с очевидностью наличествуют тексты, в которых можно увидеть примеры будущей негативной теологии, однако вокруг них в историко-философской литературе не прекращаются споры¹. Одни исследователи утверждают, что Платон был первым «последовательно мыслящим апофатическим богословом»², другими последовательность апофатической компоненты платоновской мысли ставится под сомнение³. Апофатика в платоновских текстах, разумеется, присутствует и в рамках его учения об идеях, что позволяет также говорить об онто-эпистемологическом, т.е. философском, ракурсе рассматриваемой проблемы.

В целом апофатическая проблематика наличествует в различных диалогах — можно, в частности, выделить «Пир», «Тимей», «Парменид», «Софист», «Государство»⁴. К этим произведениям чаще всего и обращаются в исследованиях, в той или иной степени затрагивающих платоновский апофазис. Однако указанными текстами апофатическая проблематика в наследии Платона, безусловно, не исчерпывается. В рамках настоящей статьи мы обращаемся к диалогу «Филеб», интерес к которому обусловлен несколькими мотивами. Во-первых, предпосылки апофатического дискурса формируются еще в ранней греческой мысли. И именно «Филеб» позволяет сделать определенные отсылки к учениям досократиков. Во-вторых, апофатика у Платона прояв-

---

¹ См. Богомолов, Светлов 2021.

² Филин 2017: 42.

³ Carabine 2015: 32–35.

⁴ См. Вишняков 2016; Слинин 2020; Коржачкина 2021; Протопопова 2022.

ляется в различных аспектах и контекстах, в связи с чем возникает вопрос о взаимосвязи «Филеба» с другими произведениями основателя Академии. Мы постараемся ответить на этот вопрос на примере возможных связей с диалогами «Софист» и «Государство». В-третьих, необходимо обозначить, в чем, собственно, специфика понимания апофатического в «Филебе».

Тезис о том, что в платоновских диалогах присутствуют обращения к идеям досократиков, не нуждается в особом пояснении. Достаточно упомянуть хотя бы известную проблему соответствия Парменида «исторического» и Парменида — участника одноименного диалога. В историко-философской литературе есть также исследования, авторы которых поднимают вопрос о рецепции идей ранних греческих философов в некоторых фрагментах диалога «Филеб». Обычно говорится о «результатах влияния пифагорейской традиции или даже о прямом заимствовании»⁵. Однако влияние апофатических коннотаций в учениях досократиков не часто становятся предметом историко-философского анализа. Рассмотрим теперь этот аспект платоновской апофатики в «Филебе».

Прежде всего, уточним, что апофатику мы понимаем в более широком смысле этого слова, чем это делается обычно: не только в богословском или философско-трансцендентальном смысле. Конечно же, фундаментального апофатического богословия в досократической мысли мы не обнаружим, даже если будем в этом духе толковать концепцию Ксенофана и некоторые тексты Гераклита. Однако необходимо обратить внимание на очевидный и простой момент: апофазис указывает на невозможность прямого описания в понятиях некоторого предмета и на сложность его косвенного (например, иносказательного) описания. Предмет ускользает от определения и описания, что контринтуитивно, но вполне реально для того, кто пытается о нем высказаться. В рассуждениях о предмете апофатического господствует принцип различия, но не различия эмпирического, ноуме-

---

⁵ Ощепков 2013: 115.

нального или логического, которое как раз фиксирует смысл (человек по имени Каллий не есть лошадь, мужество не есть безрассудная отвага, тождественное не есть иное). Различие в данном случае имеет иной, тотальный характер и в принципе не может быть произведено так, как это происходит в нашей катафатической логике. Оно отрицает любую конкретную определенность предмета рассмотрения. В связи с этим, когда мы говорим о периоде начального формообразования этого типа мысли — а досократический был явно таковым, — следует обратить внимание на те понятия, которые и имплицитно, и эксплицитно указывают на отрицание, имеющее радикальный характер.

Одно из таких понятий — «беспредельное», τὸ ἄπειρον, известное нам по традиции об Анаксимандре (беспредельное как начало), Анаксимене (беспредельный воздух как начало) и пифагорейце Филолае (предел и беспредельное как два начала). Само это слово указывает на отсутствие — отсутствие предела и в конечном счете определенности, как качественной, так и количественной. В «Филебе» «беспредельное» трактуется как идея: «Идею же беспредельного можно прилагать ко множеству лишь после того, как будет охвачено взором все его число, заключенное между беспредельным и одним» (*Phlb.* 16de)⁶.

Являясь идеей, беспредельное, таким образом, наделяется самостоятельным онтологическим статусом, будучи одной из многих идей. Кроме того, Платон рассматривает беспредельное в его единстве с пределом: «бог указывает то на беспредельность существующего, то на предел» (τὸν θεὸν ἐλέγομέν που τὸ μὲν ἄπειρον δεῖξαι τῶν ὄντων, τὸ δὲ πέρας, *Phlb.* 23c). Иными словами, беспредельное не только отлично от всех иных идей, но мыслится философом и в контексте своей противоположности — предела. Кроме того, беспредельное занимает важное место в структуре идей и в диалоге упоминается достаточно часто. Так, к примеру, отметим *Phlb.* 16c: «все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся воедино пре-

---

⁶ Здесь и далее диалог «Филеб» в пер. Н.В. Самсонова.

дел и беспредельность». Беспредельное в своем единстве с пределом обуславливает бытие вечно сущего. И далее:

во Вселенной, как неоднократно высказывалось нами, есть и огромное беспредельное, и достаточный предел, а наряду с ними — некая немаловажная причина, устанавливающая и устрояющая в порядке годы, времена года и месяцы. Эту причину было бы всего правильнее назвать мудростью и умом (*Phlb.* 30c).

Беспредельное является одним из четырех высших родов, выводимых в диалоге. Здесь логично увидеть переключку с беспредельным в космосе Филолая, которое также становится одним из «элементов» сущего⁷. Два главных свидетельства об этой стороне учения Филолая содержатся в поздней традиции (у Стобея и Прокла), но мы едва ли можем сомневаться в их аутентичности. В передаче Стобея предел и беспредельное — начала сущего (fr. 44 A 9 DK). По Проклу получается более комплексная картина. Единый космос складывается благодаря гармонии из противоположностей, возникает же из «ограничивающих и беспредельных» (*Procl. In Ti.* 1.176). Безграничное в последнем случае оказывается множественным, как материальное начало. Впрочем, его множественность может быть рассмотрена и с эпистемологической точки зрения: сами по себе конкретные «беспредельные», гармонически соединяющиеся с ограничивающими их пределами, позволяют возникнуть сущему, но не утрачивают статус того, что не имеет формы, качества, какого-то иного имени, чем «беспредельное».

Соединение начал познаваемых / описываемых (предел) и непознаваемых / неопикуемых (беспредельное) в общем указывает на иррациональный момент, присутствующий в любом сущем. Уже ко временам Филолая была открыта математическая иррациональность (пифагорейцем же Гиппасом из Метапонта). Это могло стать одним из мотивов для формирования в рамках «арифметизированной» пифагорейской мысли Филолая идеи сущего

---

⁷ Излишним будет говорить, что «пифагорейский» контекст многих фрагментов «Филеба» является «джазовым стандартом» современной историко-философской мысли. Ср. Моогe 2016.

как соединения предела и беспредельного. Старший современник Платона Феодор Киренский — к слову, участник платоновских диалогов — доказал иррациональность корней ряда натуральных чисел. Математическая иррациональность легко связывалась с иррациональностью «онтологической». Как представляется, у Платона этот момент выражен в его понятии «силы» (δύναμις), многоаспектность которого некоторое время назад была нами продемонстрирована⁸.

Не станем ставить знак равенства между иррациональным и философской или теологической апофатикой, тем более что математика со времен Евдокса Книдского научится справляться с этой проблемой (через различения «числа» и «величины»). Отметим, что «беспредельное» и его возможные «разновидности» в «Филебе» современными исследователями достаточно часто трактуются именно в математическом контексте⁹. Но для нас важны структурно-функциональные параллели этого понятия с другим понятием из области «апофатического» дискурса — ничто. Параллели, которые легко уловимы в рамках чтения корпуса текстов Платона.

Как и в случае «беспредельного», впервые концепт несуществования формируется в досократической философии. Определяющей здесь является фигура Парменида, обойти которую невозможно, несмотря на все современные попытки «деконструировать» метафизическую трактовку его поэмы, истоки которой мы видим у Платона и Аристотеля. Одним из элементов историко-философской реконструкции апофатического в поэме элеата является указание на то, что есть «два пути»: ἡ μὲν ὁλως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι и ἡ δ' ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεῶν ἔστι μὴ εἶναι. Однако, как не раз отмечалось в специальной литературе, в философии Парменида, возможно, есть и «третий путь». В частности, на это указывал А.О. Маковельский:

Парменид задается вопросом, каковы основные предпосылки

---

⁸ Светлов 2020.

⁹ См. Rudebusch 2021.

всех мыслимых мировоззрений, и находит, что всевозможные мирозерцания покоятся на одной из следующих трех предпосылок: 1) только бытие есть, небытия нет; 2) не только бытие, но и небытие существует; 3) бытие и небытие тождественны¹⁰.

Мы не станем приводить анализ «третьего пути» в интерпретации Маковельского, отметим лишь, что наличие третьей «стратегии», которая, конечно, самим философом, возможно, лишь угадывалась, говорит о предполагаемом поиске некоего нечто, которое отлично и от первого, и от второго. Свидетельство в пользу этого обнаруживается, к примеру, в предполагаемой критике элеатом Гераклита во фрагменте 28 В 6 DK, где говорится о людях, «которым быть и не быть (πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι) показалось тем же и не тем же»¹¹. Данный подход, конечно, Парменидом отвергается, однако третья позиция в поэме им всё же обозначена.

Развитие этого дискурса можно увидеть у Платона. Приведем характерную цитату из «Филеба»:

Помнится мне, как-то давно слышал я во сне или наяву такие речи об удовольствии и разумении: благо не есть ни то, ни другое, но нечто третье, отличное от обоих и лучшее, чем они. Так вот, если смысл этого изречения уяснится нам теперь, то удовольствие лишится победы: благо уже не будет тождественно с ним. Не правда ли? (*Phlb.* 20b)

Здесь уместна первая отсылка к диалогу «Софист», где обозначается диалектика пяти высших родов, среди которых весомое значение имеет идея иного (ἕτερον). Для того, чтобы быть, любой идее необходимо быть причастной идее бытия, но для того, чтобы быть самой собой, а не «смещением» с идеей бытия, необходимо быть причастной идее иного, причастность к которой позволяет любой идее быть отличной от иных идей — в частности, от идеи бытия. Само понимание иного или другого означает некое отличие. Кроме того, подчеркнем это отдельно, иное в «Софисте» выступает в качестве синонима небытия, на что указывал, в частности, А.Ф. Лосев: «Что такое это иное? Иное есть

¹⁰ Маковельский 1915: 2.

¹¹ Пер. Е.В. Афонасина.

не-сущее, — в этом его первое и последнее определение»¹². Мы полагаем, что и в «Софисте» обнаруживается некий третий вариант понимания онтологии ничто. Ранее нам доводилось отмечать особенность данной трактовки ничто в «Софисте»: «небытие же наличествует как иное бытия, которое не только есть, но и мыслимо, и выразимо»¹³. Небытие не существует как таковое, но и во все несуществующим его признать нельзя, поскольку оно существует как иное, т.е. в указанном отношении и существует (как иное), и не существует (как таковое). Соответственно, и разговор в «Филебе» о благе в указанном фрагменте диалога также содержит указание на необходимость поиска «третьего», т.е. чего-то отличного от двух имеющихся противоположностей — удовольствия и разумения.

Таким образом, заложенное в «Софисте» понимание существования небытия как того, что отлично от существования бытия как такового, во-первых, возможно, имеет своим основанием диалектику бытия и небытия парменидовской поэмы «О природе», в частности ее условно реконструируемого «третьего пути». Во-вторых, мы видим, что в «Филебе» виден тот же методологический инструментарий, что и в «Софисте»: разумение и благо требуют для своего сочетания и даже существования чего-то иного. Конечно, можно сказать, что подобных фрагментов, где говорится о необходимости искать нечто «третье», опосредующее переход от тезиса к антитезису, ради построения схемы тезис – антитезис – синтез, в разных диалогах можно найти много. Но в контекстах «Филеба» и «Софиста» они наиболее показательны, так как связаны с предпосылками апофатического дискурса.

В связи с этим вернемся к фрагменту *Phlb.* 30с, который приводили выше, и выделим следующие строки: «во Вселенной... есть и огромное беспредельное, и достаточный предел». Если об идее беспредельного мы уже говорили выше с отсылкой к τὸ ἄπειρον Анаксимандра, Анаксимена и Филолая, то теперь обозна-

---

¹² Лосев 1993: 115.

¹³ Богомолов, Светлов, Шмонин 2022: 770.

чим некоторые параллели с философией атомистов и отметим здесь отнюдь не самый очевидный контекст — различие двух видов пустоты в учении Демокрита.

В книге С.Я. Лурье есть небольшая группа фрагментов, в которых говорится о том, что, согласно Демокриту, существует не одна пустота, а две. Вот, к примеру, свидетельство Филопона (*In Ph.* 613.21–25 Vitelli):

Пустота рассеяна и внутри тел и препятствует им быть непрерывными, как утверждали сторонники Демокрита и Левкиппа ... Вне же космоса есть пустота, существующая отдельно¹⁴.

Отметим также свидетельство Симпликия (*In Ph.* 648.11–15 Diels):

Они утверждали, что существует актуально такого рода промежуток, который, находясь между телами, препятствует телам быть непрерывными, как говорили сторонники Демокрита и Левкиппа. Они утверждали, что не только в космосе есть некая пустота, но и вне космоса; ясно, что эта пустота уже не только место, но существует сама по себе¹⁵.

Виды пустоты различаются как пустота, отделяющая тела, и пустота, понимаемая как некоторое безграничное (беспредельное) пространство, содержащее внутри себя множество миров¹⁶. Демокритовская пустота (κενόν), следовательно, выступает в двух «ипостасях». Во-первых, это причина дискретности сущего (как атомов, так и сложенных из них тел: мир не континуален, в нем есть необходимые разделения, границы). Во-вторых, это «внешняя» пустота — то, в чем все находится (один из прообразов будущей платоновской «хоры»). Важно, что для обозначения природы пустоты Демокрит прибегал к термину τὸ οὐδέν — неологизму, который Лурье образно перевел как «нуль», то есть как отсутствие чего-либо. Собственно, это одно из слов, которое, в сущности, обозначает ничто.

---

¹⁴ Лурье 1970: 267.

¹⁵ Лурье 1970: 267.

¹⁶ Богомолов 2014: 58–69.

Первое «ничто», которое внутри космоса, выступает пределом, отделяющим одну вещь от другой. Второе выступает в качестве «чистого» беспредельного ничто, где нет вообще ничего, кроме пустоты. В контексте сказанного представляется, что «огромное беспредельное» и «достаточный предел» в «Филебе» могут отсылать к малоизвестному аспекту философии атомистов — учению о двух видах пустоты. Прямого указания на это у Платона мы, безусловно, не найдем (как и в других случаях рецепций демокритовских идей). Но определенная схожесть в обозначенных моментах, на наш взгляд, вполне очевидна.

Одним из основных моментов в «Софисте» является диалектика пяти высших родов. В «Филебе» также приводится указание на наличие неких родов. Если в «Софисте» эти роды суть бытие, покой, движение, тождество и иное, то в «Филебе» это предел, беспредельное, смешанное и мудрость или ум (*Phlb.* 30b). Однако в анализируемом диалоге нас интересует наличие еще одного рода, а именно истины. Так, в *Phlb.* 64b читаем: «К чему мы не примешиваем истину, то никогда не может на самом деле возникнуть, а возникнув, существовать».

Для того, чтобы существовать, необходимо быть причастным к истине. Истина же, в свою очередь, — одна из идей, находящихся «в преддверии» идеи блага, один из модусов выражения последней: «если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, то поймаем его тремя — красотой, соразмерностью и истиной» (*Phlb.* 65a).

Напомним, что в «Софисте» для того, чтобы идея существовала, ей необходимо быть причастной идее бытия. Так как благо в «Филебе» с иерархической точки зрения явно занимает преимущественное положение, то оно оказывается условием для существования как трех наиболее близких к нему идей, так и всего остального. Тождественен ли это род из «Филеба» бытию «Софиста»? Здесь нам поможет внимательный учет словоупотребления Платона: слово «сила» (δύναμις) сопровождает экспликацию высших принципов в наиболее важных моментах его текстов. В «Го-

сударстве» идея блага, дарующая всему бытие и знание, превосходит все остальные идеи своей «силой» (*R.* 509b). В «Софисте» бытие — это сила оказывать и претерпевать воздействие (*Sph.* 247e). В «Филебе» Сократ говорит: «Теперь сила блага перенеслась у нас в природу прекрасного» (*Phlb.* 64e). Сила, судя по всему, не технический термин. В «апофатических» контекстах она указывает на предметность, о каковой возможен только тот способ говорения, о котором мы писали выше: различие, имеющее не устанавливающий эмпирическую или ноуменальную предметность характер, но отрицающее любой интуитивно понятный нам вид предметности¹⁷.

В таком случае мы видим содержательную близость указанных трех диалогов («Филеб», «Софист», «Государство»). Это касается апофатической тематики, которая в первую очередь нас интересовала. Использование различных понятий (например, «иное» и «беспредельное») вызвано, видимо, не переменами в философских воззрениях Платона, но различными предметными областями. В «Софисте» перед нами выстраивается диалектическая онтология, которая станет одним из существенных истоков неоплатонической апофатики. «Филеб» же в некотором смысле связан с тематикой «Тимея», то есть с натурфилософией Платона. Поэтому не должна вызывать удивления привязка данного текста к методологическому ходу, который, вероятно, подсказан «Поэмой» Парменида, а также к натурфилософским представлениям Филолая и Демокрита. Представлениям, имеющим, впрочем, собственный апофатический потенциал — по крайней мере, с точки зрения поздней античной философии.

---

¹⁷ Светлов 2023: 123–124.

Литература

- Богомолов, А.В.; Светлов, Р.В. (2021) “Беседа с ничто: апофатический дискурс в античной философии”, *Платоновские исследования* 15: 41–73.
- Богомолов, А.В.; Светлов, Р.В.; Шмонин, Д.В. (2022), “Онтология и эпистемология Ничто в философии Платона: истоки и природа платоновской апофатики”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 16.2: 763–772.
- Богомолов, А.В. (2014), *Диалектическое решение проблемы небытия в истории древнегреческой философии (досократический и классический этап)*. Дисс. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина.
- Вишняков, В.П. (2016), “Апофатический метод в «Пире»: между апофазой и аферезой”, *Платоновские исследования* 2: 164–186.
- Корчажкина, О.М. (2021), “Диалог Платона «Парменид» как образец «упражнения в пустословии»”, *Вестник МГПУ. Серия «Философские науки»* 2: 40–48.
- Ощепков, И.В. (2013), “«Дар богов» в диалоге Платона «Филеб». К вопросу о природе генад (16c5–10)”, *Вопросы философии* 5: 115–126.
- Маковельский, А.О. (1915), *Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности, и в свете новейших исследований*. Ч. 2: *Элеатовский период*. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева.
- Протопопова, И.А. (2022), “«Иное» в третьей гипотезе «Парменида»”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 16.2: 783–790.
- Лосев, А.Ф. (1993), *Бытие – имя – космос*. М.: «Мысль».
- Лурье, С.Я. (1970), *Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования*. Л.; М.: Наука.
- Светлов, Р.В. (2020), “Математическая шутка из «Политика» и пределы рациональности в философии Платона”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 14.2: 665–672.
- Светлов, Р.В. (2023), “Предметность апофатики Платона”, in А.А. Иваненко (ред.), *Философия истории философии*, 3.120–128. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Слинин, Я.А. (2020), “Категория небытия в философии Платона”, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология* 36.1: 69–81.
- Филин, Д.А. (2017), “Апофатика Платона”, *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 41.2: 42–49.

- Bogomolov, A; Svetlov, R. (2021), “Conversation with Nothing: Apophatic Discourse in Ancient Philosophy”, *Platonic Investigations* 15.2: 41–73. (In Russian.)
- Bogomolov A.V.; Svetlov, R.V.; Shmonin, D.V. (2022), “Ontology and Epistemology of Non-being in Plato’s Philosophy: On Origins and Nature of Platonic Apophaticism”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 16.2: 763–772. (In Russian.)
- Bogomolov, A. (2014), *Dialectical Solution of the Problem of Non-being in the History of Ancient Greek Philosophy (Pre-Socratic and Classical Stage)*. Diss. Nizhny Novgorod State Pedagogical University. (In Russian.)
- Carabine, D. (2015), *The Unknown God. Negative Theology in the Platonic Tradition: Plato to Eriugena*. Louvain: Peeters.
- Filin, D.A. (2017), “Plato’s Apophaticism”, *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts* 41.2: 42–48. (In Russian.)
- Korchazhkina, O.M. (2021), “Plato’s Dialogue *Parmenides* as a Sample of ‘Exercising in an Empty Rhetoric’”, *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Pedagogy and Psychology* 2.38: 40–48. (In Russian.)
- Moore, K. (2016), “The Pythagorean Symbolism in Plato’s *Philebus*”, *Athens Journal of History*. 2.2: 83–96.
- Oschepkov, I.V. (2013), “Gift from the Gods” in Plato’s Dialogue *Philebus* (16c5–10)”, *Voprosy Filosofii* 5: 115–126. (In Russian.)
- Protopopova, I.A. (2022), “‘Other’ in the Third Hypothesis of *Parmenides* (Prm. 158d3–6)”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 16.2: 783–790. (In Russian.)
- Rudebusch, G. (2021), “*Philebus* 23c–26d: Peras, Apeiron, and Meikton as Measure Theory”, *Plato Journal* 22: 53–67.
- Slinin, Y.A. (2020), “Category of Nothing in the Philosophy of Plato”, *Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies* 36.1: 69–81. (In Russian.)
- Svetlov, R.V. (2020), “Mathematical Joke from the *Statesman* and the Limits of Rationality in the Philosophy of Plato”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 14.2: 665–672. (In Russian.)
- Svetlov, R.V. (2023), “Objects of Plato’s Apophaticism” in A.A. Ivanenko (ed.), *Philosophy of the History of Philosophy*, 3.120–128. Saint Petersburg State University. (In Russian.)
- Vishnyakov, V. (2016), “Apophatic Method in the Plato’s *Symposium*: Between *apphaeresis* and *apophasis*”, *Platonic Investigations* 5.2: 164–186. (In Russian.)